

Иванова Любовь Дмитриевна,

канд. филол. наук, доцент,

УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия

ПОНЯТИЕ «НАРОДНОСТЬ» В КРИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

Понятие «народность» в «органической критике» А.А. Григорьева в статье рассматривается комплексно: как один из методологических принципов критического анализа, как комплекс представлений о национальной самобытности и как совокупность нравственных, духовных основ народной жизни («почва»). Выявляется отношение Ап. Григорьева к различным толкованиям этого понятия представителями западничества, славянофильства, «официальной» народности и Виссарионом Белинским.

Ключевые слова: народность, «органическая критика», принцип критического анализа, «почва», национальная самобытность, русский национальный характер.

Lyubov D. Ivanova,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin,

Ekaterinburg, Russia

THE CONCEPT OF «NATIONALITY» IN THE CRITICAL

HERITAGE OF APOLLON GRIGORYEV

In the article the concept of «nationality» in «organic criticism» of A.A. Grigoryev is considered in a complex way: as one of the critical analysis methodological principles, as complex of national originality ideas and as set of national life moral and spiritual bases («soil»). The relation of the Apollon Grigoryev to various interpretations of this concept by representatives of Westernism, Slavophilism, «official» nationality and Vissarion Belinsky comes to light.

Keywords: nationality, «organic criticism», critical analysis principle, «soil», national identity, Russian national character.

Аполлон Григорьев известен как весьма самобытный литератор середины XIX века – поэт, писатель, литературный и театральный критик, создатель оригинального метода критического анализа, названного самим создателем

«органической критикой». В отечественной литературе он давно уже стал «символом национально-исторического романтизма, реальным воплощением легендарной широты «русской природы», своего рода пророком национальной самобытности» [6, с. 3].

Во второй половине восьмидесятых годов XX века, когда исследователи русской литературно-художественной критики обратили, наконец, внимание на иные, нежели реалистические, творческие системы, в поле зрения оказалось и творчество Ап. Григорьева – во всем многообразии его проявлений. Объектом исследования стали как его художественное творчество (проза, поэзия), так и критическое наследие (литературные статьи, театральные рецензии). Благодаря таким исследователям, как Б.Ф. Егоров, А.И. Журавлева, Л.Р. Авдеева, М.А. Ходанович, М. Коджаев, С.Г. Вайман, стали понятны основы «органической критики», были прояснены эстетические, философские основы идейно-творческой концепции этого оригинального критика и мыслителя. Рассмотренные В.Д. Глебовым, Д.Л. Азизовым вопросы влияния различных течений (романтизма, реализма) на творческую концепцию А.А. Григорьева позволили выявить своеобразие его идейно-творческой позиции, особенности его критического метода. Исследованию русского национального типа в критическом наследии создателя «органической критики» посвятили свои работы А.П. Марчик, И.З. Серман, Н.М. Керимова и др. Но до сих пор некоторые аспекты его творческого наследия так и остаются не до конца проясненными.

Один из вопросов, на которые еще не найден ответ: в чем суть понятия «народность» в критическом наследии Ап. Григорьева, какое место ему отводится в идейно-творческих изысканиях критика?

В основном, исследователей творчества Ап. Григорьева интересовало прикладное значение этого понятия в «органической критике». Рассматривалась его трактовка самим Григорьевым лишь как одного из важных

принципов литературно-критического анализа, с помощью которого рассматривались явления литературы.

Между тем, народность – очень важная категория в идейно-творческой системе создателя «органической критики». В первую очередь, это, конечно, методологический принцип, позволяющий выявлять проявления национального начала и в «миросозерцании», и в творчестве того или иного художника. Но более важно иное наполнение понятия: народность понималась Григорьевым и как основа русского национального характера, и как некое единство, определяющее самобытность нации в целом (то, что мы сегодня вкладываем в понятие «ментальность»), и как некая совокупность морально-нравственных ценностей (то, что Григорьев называл «органически народной нравственностью»), выработанных нацией в процессе многовекового развития (освященная веками народная мудрость).

Ап. Григорьев много внимания уделял выявлению глубинных национальных начал, без которых, по его мнению, невозможно истинное творчество. Он пытался разобраться в особенностях русского менталитета, уделял внимание изучению разных сторон народной жизни: быта, семейного начала, обрядности, фольклора, национальной психологии. Неоднократно в его статьях употребляются понятия «национальный дух», «душа народа».

Как и славянофилы, он признавал значение общинно-вечевого уклада народной жизни в становлении русского национального самосознания. С точки зрения Григорьева, именно патриархальный характер русской народной жизни позволяет сохранять живой душу нации. Вопрос о моральном здоровье нации в его рассуждениях о национальных началах неразрывно связан с такими понятиями, как «почва», «народность».

Одной из важных задач он считал укрепление национальной самостоятельности. Именно в разьединённости национального сознания, на которое он неоднократно указывал в начале 60-х годов, видел причину социальных катаклизмов. Неоднократно призывал обратиться к тем

нравственным началам, которые были выработаны исторической и духовной жизнью целой народности на протяжении веков («почве»). Одной из основных задач его критических работ на протяжении всего 1861 года была защита идеи «истинной народности» в литературе.

В статье под названием «Народность и литература», опубликованной во втором номере журнала «Время» за этот год, критик скрупулезно анализирует трактовки понятия «народность» в русской литературе, начиная с творчества Н.М. Карамзина. Он критикует так называемый «петербургский национализм», опиравшийся на «карамзинское» понимание русской истории и жизни, и теорию «народности» в романтизме 1820-1830-х гг., нашедшую отражение в творчестве Н.А. Полевого и Н.И. Надеждина. Особое внимание уделяет трактовке этого понятия представителями двух противоположных идейных течений 40-х гг. XIX века – западничества и славянофильства.

Григорьев обвиняет сторонников западничества в том, что они пытались законы развития иного – германо-романского мира – приложить на несвойственную им почву: «Западничество во имя своих готовых идеалов отрицало всякое значение жизни, прожитой нами до Петровской реформы; не зная этой жизни и даже чуть-чуть не хвастаясь своим незнанием, <...> мерило нашу историю, предания, сказки, песни, нравственные понятия идеалами германо-романского мира, и не находя в нашем ничего подходящего к этим готовым идеалам, оборачивалось от всего нашего с омерзением» [4, с. 173].

Славянофильство, казалось бы, наиболее близкое Ап. Григорьеву по духу, с его ориентацией на духовно-нравственные начала, тоже довольно критично оценивается им как «старобоярское» направление, видевшее идеал в домостроевской «московской» Руси. Размышления представителей этого течения о земском начале, об общине как проявлении национального «семейного», «любовного» принципа, с его точки зрения, не что иное, как попытка подобной «соборностью» нивелировать индивидуальность каждой отдельной личности.

Упреком славянофильству было также слабое знание «жизни народа» «из самой жизни». Это в большей степени знание книжное, считает Григорьев, результат изучения истории старой письменности и родного быта. Именно такой – в основе своей теоретический, нежели практический характер познаний, по мнению критика, и стал причиной преувеличения «особости» отдельной нации в ущерб общим законам развития человечества. «Славянофильство, – пишет Ап. Григорьев, – ... постепенно доходило до теории, что наша жизнь совсем иная жизнь, совсем особенная, ничего общего с западною не имеющая, управляемая совершенно новыми, никем еще не раскрытыми таинственными законами, особыми, новыми нравственными понятиями» [4, с. 173]. Эта ориентация на идею национальной исключительности, которая была возведена в принцип, по мнению автора статьи, и была причиной того, что идейное течение, базирующееся на «правильных понятиях», превратилось в своего рода догматическую теорию.

Критикуя славянофильство за ортодоксальную религиозность, излишнюю «общинность», он, тем не менее, защищает его представителей от обвинений в слиянии с идеологией «фальшивой» («официальной» – Л.И.) народности, которая была выражена в публикациях журналов «Маяк» и «Домашняя беседа», с её «любовью к застою», «китаизмом и исключительностью в понимании народного развития», оправданием возмутительнейших явлений «старого быта» и «бараньей покорностью» [1, с. 12].

По мнению Григорьева, только западник Виссарион Белинский в последние годы жизни был близок к пониманию народности. Но его ошибкой была приверженность «идеалу отвлечённого человечества» (т.е. гегельянству). В основе понимания народности в творчестве В. Белинского, рассуждает Григорьев, лежало представление о человеке как «гражданине мира» – «космоса», и о народе как выразителе одной из сторон жизни всего человечества. «Народное» в духе этих представлений значило «общечеловеческое», причем, имелась в виду, в основном, социально-

общественная сторона жизни человека. В приложении к литературе, критике, продолжает А. Григорьев, это выразилось в пропаганде принципов натуральной школы, объективизма в творчестве с его вниманием к общественно-социальным проблемам. Такой взгляд на народность как на часть «общечеловеческого» не мог не породить «неисчислимых, мучительных противоречий», потому что ведет к «грубому материализму» в анализе «общественного организма». Именно он, считает А. Григорьев, стал причиной существенных заблуждений позднего Белинского, пытающегося все чаще мотивацию поступков человека объяснять общественными условиями его существования.

Свое понимание народности Григорьев строил на нравственно-этических идеалах христианского общежития, имея в виду и общечеловеческие гуманистические ценности, выработанные человечеством («общечеловеческие понятия»), и те традиции, глубинные национальные начала, приобретенные русским народом в течение столетий. Народность в его понимании – это, прежде всего, духовные начала жизни народа и как нации, и как части человечества. Содержание этого понятия в творческой системе Ап. Григорьева включало в себя весь комплекс исторически сложившихся представлений, обусловивших особенности национального менталитета.

Своеобразно представлял Григорьев и принцип «народности» в литературе.

Народ, в его понимании, – это не крестьянство, не купечество, в котором он видел наиболее самобытно – «широко, вольно» – развившиеся народные черты, не передовые слои общества, а нация в целом. И литература, считал критик, только тогда по-настоящему народна, когда отражает типические, т.е. свойственные всему народу, особенности. Это особое качество, с его точки зрения, может выражаться «в типах», «в формах», «в языке». Только такую народность литературы (как синоним «национальности») он считал явлением безусловным, органическим, «в самой природе лежащим» [3, с. 242]. Он

призывает художников больше внимания уделять истинно народным типам, представляющим общую родовую национальность, коренные черты которой одинаково общи всем слоям, признакам «племенного единства», «кровного родства».

Именно Григорьеву и принадлежит заслуга в разработке такого понятия в литературе, как русский «национальный тип», в котором он видел воплощение «собирающей народной личности».

Он считал, что нет другого такого «племени», в котором братство, любовь, незлобие и общение были бы так же «просты и непосредственны». В русской натуре он видел «равномерное богатство сил, как положительных, так и отрицательных» [2, с. 80].

Чтобы эти особенности проявить наиболее ярко, критик рассматривал русский характер в сравнении с ведущими чертами других наций. В отличие, например, от немцев, «совершенно неспособных к комическому взгляду», он отмечал в русских людях умение «нешадно» смеяться над тем, что несообразно «с душевной мерой» и полную неспособность русского человека «к строгой, однообразной чинности, кладущей на все печать уровня внешнего порядка и составной цельности». «Мы можем ничего не делать, – писал он в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», – но не можем с важностью делать *ничего*, <...>, как итальянцы» [2, с. 80-81]. Он считал ориентацию на духовность одной из отличительных черт своего народа: «...Мы не можем помириться с вечной суетой и толкотней общественно-будничной жизни, не можем заглушить в ней тревожного голоса своих высших духовных интересов», – писал он в статье первой цикла «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»...» [2, с. 80-81].

Русский человек наделялся им «критической способностью здорового русского смысла» – прирожденного, а не приобретенного, который помогает примирить нравственную борьбу стихийных, разнонаправленных сил – всего «варяжского» и «земского» в душе. Понятие «здравый смысл» в рассуждениях

Ап. Григорьева, по сути, является синонимом «нравственной меры», «нравственного инстинкта», о которых критик постоянно упоминает как о некоем важном качестве, которым следует руководствоваться в сложной жизненной ситуации.

С точки зрения Ап. Григорьева, именно крепкая связь с глубинными духовно-нравственными национальными основами («почвой») способна укрепить этот «нравственный инстинкт», спасти человека от духовного кризиса.

Связь с «почвой» или отсутствие ее служат создателю «органической критики» в качестве одного из важнейших критериев оценки и отдельных литературных героев, и творчества того или иного художника в целом.

Он считает по-настоящему народными произведения, созданные такими авторами, как А.С. Пушкин или А. Островский, и совершенно отказывает в этом качестве стихотворениям и художественной прозе М.Ю. Лермонтова, в творчестве которого видит проявление индивидуализма – нравственной болезни, которую называет «байронизмом» – следствием чуждых влияний, разрушающих связь поэта с истинно народными началами. Действие этого чуждого, прозападного «поветрия» разрушительно, указывает Григорьев, оно сказывается в постоянном стремлении развивать мрачные стороны души, с упоением отдаваться стремительному потоку страстей, наслаждению страданием, что пагубно не только для личности, но и для таланта. Как результат, и сам поэт, и его герои страдают от осознания своей «разъединенности с жизнью», от отсутствия идеалов, «целостно и свято» хранимых в великой, «не муравейной» среде жизни [4, с. 85]. Критик уверен, что только через «отрицание самого отрицания» – т.е. через преодоление презрительного отношения к жизни «муравейника» («жизни мелкой по объему и значению») может совершиться «поворот» к живому чувству, к «непосредственности», сознанию идеального в самой жизни, к восстановлению в себе самом связи с ее коренными началами.

Сквозь призму народности в общем, в самом широком смысле (как выработанной веками мудрости) решалась им и проблема личности – «сквозная» проблема литературного процесса 1850-1860-х гг. В одной из своих программных статей начала 1850 –х гг. «О правде и искренности в искусстве» он ищет ответа на вопрос о том, как преодолеть процесс мучительного духовного разлада, обусловленного несоответствием между притязаниями отдельной личности на свободу реализации духовных и материальных потребностей и условиями неблагоприятной окружающей среды. «Болезненному» протесту личности, лишенной идеала, он противопоставляет «веру в народ и народность».

Для него самого, как для критика, важно на примере литературных героев показать, каким образом совершается нравственный процесс духовного возрождения.

Для доказательства тезиса о благотворном воздействии на личность связи с «почвой» Григорьев рассматривает нравственную метаморфозу образа Лаврецкого из повести «Дворянское гнездо» И. Тургенева. Критик использует термин «физиологический» для определения характера связей героя с «почвой». В душе Лаврецкого, отмечает критик, глубоко отзываются и воспоминания детства, и семейные предания, и быт родного края, и даже суеверия. Но его натура ослаблена «глубоко захватившим ее могущественным веянием идей», верой в «принципы»: «в принципы он верит, принципам он служит, принципы стали для него жизнью» [2, с. 166]. Причиной душевной апатии, по мнению Ап. Григорьева, стали излишний идеализм героя, крушение придуманного им мира.

«Требовать от действительности не того, что она дает на самом деле, о чем мы наперед гадали, приступать ко всякому живому явлению с отвлеченною и, следовательно, мертвою перед нею мыслию; отшатнуться от действительности, как только она противопоставит отпор требованиям нашего Я, и замкнуться гордо в самого себя: таковы самые обыкновенные моменты

этой болезни, ее неизбежные схемы» [2, с. 175]. Нет исхода, кроме жизни, кроме примирения с нею, – утверждает Григорьев. Нельзя конструировать действительность в соответствии со своими эгоистическими притязаниями – эта мысль рефреном проходит через всю публицистику Григорьева конца 1850-х – начала 1860-х гг.

Морально разбитый и смирившийся, герой Тургенева возвращается в свое родовое имение. И ему предстоит пройти сквозь горнило душевных мук, пока «здоровая» часть его натуры не возьмет верх. Критик убеждает: возродиться к жизни, восстановить потраченные силы помогает Лаврецкому глубокое и сильное «чувство родины» [2, с. 187].

Против воли Тургенева, отмечает Григорьев, получился образ вовсе не «загнанного человека», а тип, полный жизни и большой внутренней силы, со своими представлениями о чести и нравственности.

Призыв к примирению с действительностью является важным в мировоззрении Ап. Григорьева в последние годы его жизни. Не переделка, не ломка «общественного организма», а обращение к внутреннему потенциалу каждой личности, укрепление «родных, коренных, кровных» связей с миром – в этом видит Григорьев ориентир для возрождения общества. Это примирение в деятельности (пусть даже незначительной; «землю пахать»), в любви – «величие в малом, в ежедневном, в обыкновенном», в установке на добро, чистоту духа и помыслов. В этом, утверждает Григорьев, «наша эгида против сухой практичности и сурового методизма!» [2, с. 181].

В то время, когда демократическая критика воевала против «внутренних турок» (крепостничества, самодержавия, класса помещиков), для Григорьева важно было изжить «внешнего» врага – в сознании общества (все, что шло от западного, пробуржуазного влияния – Л.Д.) и «внутреннего» – в сознании каждой отдельной личности [5, с.18].

Как видим, в идейно-творческом мировоззрении А. Григорьева много места уделялось национальной ментальности как категории, оказывающей

важнейшее влияние на натуру человека, на его нравственные установки и личностные проявления, на состояние всего общества.

Только развитое национальное самосознание, считал он, способно уберечь общество от социальных катаклизмов.

Исходя из этих представлений, А.А. Григорьев определял и задачу искусства.

Не служение какой-то ложно избранной идее, «голо-логическим» теориям должно быть задачей литературы, считал он, а исполнение ее единственного и крайне важного долга – способствовать исправлению души человеческой, служить постоянным нравственным камертоном, быть хранительницей типового народного начала. Он критикует современных критиков за нигилизм, пропаганду «идеек», выступает против нечестного обхождения с талантом, превращения духовных интересов и словесного дара в «ерыжную аферу», против забвения в журналистике и литературе духовных, нравственных, национальных ценностей. В этом своеобразии позиции Григорьева-критика.

Сильная сторона его творческого метода – стремление показать не только то, какова реальная жизнь, но и то, какую она стремится быть на пути к достижению идеала (а именно «народность» рассматривалась Григорьевым как продуцированный, реализованный «вечный идеал»), слабая – в недооценке социальных факторов человеческой жизни. Непонимание того, что защита интересов нации вне связи с общественно-политическими проблемами иллюзорна и стало причиной того, что глубоко нравственная в своей основе система представлений «последнего романтика» так и осталась непонятой его современниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Время. – 1861. – № 2.

2. Григорьев А.А. Искусство и нравственность / Вступит. статья и коммент. Б.Ф. Егоров. – М.: Современник, 1986. – 351 с.

3. Григорьев А.А. *Сочинения. В 2-х т. Т.2. Статьи; Письма / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова.* – М.: Художественная литература, 1990. – 510 с.
4. Григорьев А.А. *Эстетика и критика. Вступ. статья, сост. и примеч. А.И. Журавлевой.* – М.: Искусство, 1980 (*История эстетики в памятниках и документах*).
5. Иванова Л.Д. *Концепция личности в «органической критике» Аполлона Григорьева: автореф. дис. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук.* – Екатеринбург, 1997.
6. Носов С.Н. *Аполлон Григорьев. Судьба и творчество.* – М.: Советский писатель, 1990. – 192 с.